
Глава III
МИРОВОЙ ДУХ ВЕРХОМ НА КОНЕ

Дух господствует над миром благодаря сознанию; именно это его инструмент, а потом уже пушки, штыки, мускулы.

Гегель

Приват-доцент Гегель как лектор успехом не пользовался. На кафедре он держался, будто сидел дома за письменным столом: то и дело перелистывал свои тетради, отыскивая нужное место, нюхал табак, чихал и покашливал. Говорил негромко, с трудом подыскивая слова, особенно когда речь шла о вещах простых и понятных, которые, казалось, тяготили его своей очевидностью; только прорвавшись через их барьер к тому, что составляло суть проблемы, он обретал уверенность и спокойствие, голос его повышался, взор начинал сверкать. Но и в эти минуты его артикуляция, жесты и мимика зачастую находились в контрасте с содержанием его речи. О гладкости и доступности изложения он не заботился. Его называли «деревянный Гегель»¹. В первый семестр к нему на лекции записалось одиннадцать человек (следует, правда, учесть, что вместе с Гегелем в Йене философские курсы читали двенадцать преподавателей, в том числе шесть профессоров).

В дальнейшем число слушателей Гегеля редко превышало тридцать. Но зато это был кружок верных последователей, не просто поклонников, но посвященных в тайны спекулятивной мудрости, боготворивших своего учителя. Его студенты держались особняком и свысока глядели на остальную публику. Гегель был для них высшим существом, оракулом, изрекавшим подчас непонятную, но всегда непреложную истину. По сравнению с его гением все остальное казалось жалким и ничтожным. Свое преклонение они распространяли на самые обычные мелочи, окружавшие мэтра. Каждая его фраза жадно ловилась и подвергалась истолкованию, за каждым словом искали скрытое значение. Студенту, уезжавшему в Вюрцбург, Гегель сказал: «У меня там друг», —

имея в виду Шеллинга. Тут же возникло сомнение, следует ли слово «друг» понимать в обычном или каком-нибудь еще смысле.

Гегель был постоянно погружен в свои мысли, величав и невозмутим. Ничто не могло вывести его из равновесия. Однажды по рассеянности он явился на лекцию на час раньше, не в три, а в два часа пополудни. Заняв свое место на кафедре и не обратив внимание на состав слушателей, он начал читать. Студента, пытавшегося объяснить его ошибку, он просто не заметил. Профессор Августа, чья лекция полагалась по расписанию, подойдя к дверям и услышав голос Гегеля, решил, что опоздал на час, и поспешно ретировался. В три собрались студенты Гегеля, они уже узнали о случившемся и с любопытством ждали, как их учитель выйдет из положения.

«Господа, — начал Гегель, — когда сознание исследует самое себя, то в качестве первой истины, или, точнее, первой лжи, фигурирует чувственная достоверность. Прошлый раз мы остановились именно на этом, а час назад я получил лишнее подтверждение подобному обстоятельству»². На миг появилась легкая улыбка и тут же исчезла. Далее все пошло своим чередом.

Студент Георг Габлер (сын проректора университета) оставил нам описание внешности своего учителя: «Суровые черты лица и сверкающий взгляд больших глаз, выдававший мыслителя, погруженного внутрь, внушали робость и если не отпугивали, то, во всяком случае, действовали сдерживающе, но, с другой стороны, покоряла и приближала мягкая и дружелюбная манера говорить. У Гегеля была необычная улыбка, лишь у очень немногих людей я мог обнаружить нечто подобное. В доброжелательности улыбки лежало одновременно и что-то резкое, жесткое или даже болезненное, ироническое или саркастическое — характерная черта, указывавшая на глубокую сосредоточенность. Я бы сравнил эту улыбку с лучом солнца, пробивающимся сквозь тяжелые тучи и освещающим часть ландшафта, в целом покрытого мрачной тенью»³.

Университетское начальство Гегеля недолюбливало. Его не понимали, а потому считали «обскурантом» и по мелочам ставили палки в колеса. Когда на факультете появился доцент Фриз — противник гегелевской философии, он сразу нашел поддержку у руководства. Ему пророчили блестящее будущее и покровительствовали. Гегель начал уже подумывать над тем, чтобы оставить Йену, которая к тому же на его глазах постепенно превращалась в захолустье: кружок ро-

мантиков давно распался, лучшие профессора покинули университет. Он написал своему знакомому в Гейдельберг с просьбой узнать, нет ли там свободного места.

Неожиданно Гегелю становится известно, что Йенский университет хлопочет перед веймарским двором о присуждении профессорского звания его сопернику Фризу, который и моложе по возрасту, и позже прошел габилитацию. У Гегеля в Веймаре есть свой могущественный покровитель — министр Гёте (ни Гегель, ни Гёте не подозревали, что между ними существует отдаленное родство: некто Иоганн Лак, бургомистр Франкенберга, живший в XVI веке, был их общим предком; это выяснилось только в наши дни). Великий поэт и мыслитель симпатизирует молодому философу, в котором видит наследника Шеллинга и союзника в борьбе с Ньютоном. Опровержение учения о разложении света Гёте считал целью своей жизни. Начало заблуждению положил неудачно поставленный опыт с призмой: Гёте не удалось разложить луч света на составные части, вместо спектра он увидел белые и темные пятна, окрашенные лишь там, где они соприкасались. Отсюда он сделал вывод: все цвета возникают в результате смещения двух основных — белого и черного. Явления природы, казалось, подтверждали его мнение: солнце, затемненное облаком, представляется нам желтым; дым в лучах солнца приобретает голубой оттенок. Гёте потратил бездну времени и сил, провел огромное множество опытов, исписал тысячи страниц, чтобы обосновать свой взгляд художника, который берет цветовую гамму как целое. Свое «Учение о цвете» поэт ставил выше «Фауста».

Гегель обращается к Гёте с жалобой на готовящуюся несправедливость. «Узнав, что некоторые из моих коллег вскоре получают звание профессора философии, и в связи с этим вспомнив, что я самый старший из здешних приват-доцентов, осмеливаюсь вынести на Ваш суд вопрос о том, не следует ли мне опасаться того, что мои возможности работать в меру способностей в университете будут ограничены благодаря награде, присужденной высшими инстанциями другим лицам»⁴.

Вмешательство Гёте не замедлило сказаться. Начинается августейшая переписка. Йенский университет содержат четыре государства: Саксен-Веймар, Саксен-Гота, Саксен-Зальфельд-Кобург и Саксен-Мейнинген. Для того чтобы то или иное постановление относительно университетских дел приобрело законную силу, нужно согласие всех четырех правительств. После взаимных консультаций монархи приходят к единодушному решению: Фриз и Гегель да будут

профессорами! Первым (24 декабря 1804 года) сообщает свою волю герцог Франц Кобургский, последним (15 февраля 1805 года) — Карл Август Веймарский.

Но пока это дает лишь моральное удовлетворение и открывает перспективу; доходов по-прежнему никаких. Гегель снова хлопочет о должности в Гейдельберге, зондирует почву в Берлине — там готовится открытие университета: не позовут ли его туда? Увы, в Гейдельберг приглашают Фриза, в Берлине место предназначено для Фихте.

Только в июне 1806 года Гёте удается выхлопотать у веймарского герцога для своего протеже мизерный оклад — 100 талеров ежегодно. С вычетами это составляло менее 80 талеров. Насколько ничтожна была эта сумма, говорит тот факт, что скромно живший в Йене студент тратил на свое существование примерно 200 талеров в год. От платы студентов за лекции (по три лаубталера с головы за курс) набиралось тоже немного. Профессор Гегель находился в стесненных обстоятельствах.

После закрытия «Критического журнала философии» он ничего не публикует. Рукописи накапливаются в письменном столе: «Конституция Германии», «Система нравственности», конспекты лекционных курсов, а с некоторых пор и листы большого труда, названия которому пока еще нет.

Первое упоминание о работе над «Феноменологией духа» встречается в набросках письма к филологу Фоссу, которого Гегель в мае 1805 года просил выхлопотать ему назначение в Гейдельберг. В феврале 1806 года издатель Гебхардт в Бамберге начал печатание еще не завершенной работы. Затем, однако, дело застопорилось: автор не спешил с окончанием работы, а издатель не платил ему обещанного гонорара. Начались взаимные пререкания, и дело могло совсем расстроиться, если бы не вмешательство Нитхаммера, оказавшегося к этому времени в Бамберге.

О нем следует сказать здесь несколько слов. Фридрих Иммануил Нитхаммер был единственным человеком, с которым Гегель сохранял близкие отношения, начиная с Йены и до конца дней своих. Земляк Гегеля, на четыре года старше его, он учился с ним в Тюбингенском университете. В Йене он обосновался еще в 1792 году. Вместе с Фихте он издавал «Философский журнал», нес равную с ним ответственность за публикацию статьи Форберга и был целиком на стороне Фихте в «Споре об атеизме». Но если первому в результате инцидента пришлось покинуть Йену, то для Нитхаммера дело кончилось назначением на должность профессора... теологии. Уже в этом проявилась отличительная черта его

характера: умение ладить с людьми. Как философ Нитхаммер был совершенно неоригинален, вообще никакими выдающимися достоинствами не блистал, но на него можно было положиться. С Гегелем свело его сходство характеров. Последний часто бывал в его доме в Йене, а после отъезда Нитхаммера находился с ним в оживленной переписке; треть всех писем Гегеля адресована Нитхаммеру. Жену Нитхаммера Гегель называл «лучшей из женщин», и в будущем о своей жене он писал, что любит ее так же и потому, что она похожа на «лучшую из женщин». Нитхаммер был крестным отцом второго сына Гегеля. Они так и не перешли на «ты», но были настоящими друзьями. Нитхаммер не раз вручал Гегеля.

И «Феноменология духа» обязана своим своевременным выходом в свет энергии, дипломатическому мастерству и доброй воле Нитхаммера. Его переговоры с издателем завершились соглашением, по которому Нитхаммер брал на себя обязательство купить за 252 гульдена у Гебхардта отпечатанную часть рукописи, если Гегель не представит последних ее листов к 18 октября; пока что издатель выплачивал автору 144 флорина — половину причитающегося ему гонорара. Нитхаммер уже получил деньги и, сообщая Гегелю об одержанной победе, умолял его не нарушать условий договора. На пересылку рукописи из Йены в Бамберг требовалось пять дней. Нитхаммер напоминал об этом Гегелю: самое позднее 13 октября он должен сдать пакет на почту. Получите почтовую квитанцию, просил он, и сохраните ее во избежание недоразумений. Если не успеете выправить текст, приезжайте сами в Бамберг и доведите дело до конца на месте. Приезжайте, вам здесь будет спокойнее, чем у себя дома...

Надвигалась война между Францией и Пруссией, и умный Нитхаммер трезво оценивал шансы сторон. Бамберг находился на территории, оккупированной Наполеоном, Веймарское герцогство выступало в союзе с пруссаками, военные действия должны были развернуться на его территории.

В среду и пятницу 8 и 10 октября Гегель отправляет в Бамберг значительную часть находившейся у него рукописи. В четверг началась война. У Гегеля остается еще окончание, но почта уже не работает. Утром 13 октября французские передовые части занимают Йену. Наступает, по словам Гегеля, «час страха». На войне как на войне: грабят, насилюют, убивают. В дом к философу врываются запыленные пехотинцы. Философ сохраняет присутствие духа; заметив на груди одного из французов ленточку Почетного легиона, он выражает надежду, что доблестный воин, награжденный бо-

евым орденом, будет достойным образом обходиться с простым немецким ученым. Слова, подкрепленные вином и пищей, действуют. Но недолго. Приходят новые солдаты, и все начинается снова. Хозяева покинули дом, Гегель следует их примеру. Рассовав по карманам листы «Феноменологии», собрав кое-какой скарб в корзину, он выбегает на улицу.

Пристанище Гегель находит в доме Габлера, проректора университета. Здесь остановился какой-то высокий чин и у ворот стоит стража. Хозяин не рад гостю, но отводит ему комнатку на верхнем этаже, одну из тех, что снимают студенты. Кругом идет погром, только в этом доме сравнительно спокойно. У Габлера философ проводит несколько часов. Затем он укрывается в доме комиссара Хелльфельда на рыночной площади. При зареве костров и пожарищ философ приводит в порядок спасенную рукопись и дописывает ее. Впоследствии он будет гордиться тем, что «Феноменология духа» была завершена в ночь накануне битвы под Йеной.

Впечатления дня Гегель изложил в письме к Нитхаммеру. Он пишет о пережитых волнениях и понесенных убытках. Но главное не это. Несмотря на все испытания, он жаждет успеха французской армии. Гегель неизменно видит в Наполеоне наследника французской революции, реформатора, разрушающего старый порядок и открывающего перед Германией новые пути. Отсюда восторженные строки: «Я видел императора, эту мировую душу, в то время, когда он проезжал по городу на рекогносцировку. Испытываешь поистине удивительное чувство, созерцая такую личность, которая восседает здесь верхом на коне, охватывает весь мир и повелевает им»⁵.

Больше всего Гегеля волнует судьба отправленной в Бамберг рукописи. Дошла ли она по назначению? В противном случае «утрата была бы слишком велика». Последние страницы он намеревается отправить завтра.

Но почта начинает функционировать только 20 октября. Разумеется, это влечет за собой невыполнение договора, но издатель должен учесть непредвиденные обстоятельства. К тому же Гегель совершенно разорен. Вернувшись домой, он застал полное опустошение: украли все, что представляло мало-мальскую ценность. Не было ни белья, ни еды, ни даже клочка чистой бумаги.

Приютил Гегеля книготорговец Фромман. Гёте через Кнебея переслал философу 10 талеров. Наконец из Бамберга приходит весть о том, что он может располагать гонораром. Гебхардт получил рукопись и претензий не имеет.

В середине ноября Гегель отправляется в Бамберг, чтобы следить за изданием книги, и живет там до второй половины декабря. В январе 1807 года он высылает предисловие. Теперь остается только ждать появления своего детища на свет.

Книга выходит в марте.

* * *

«Феноменологию духа» сравнивают с «Фаустом». Если отвлечься от того немаловажного обстоятельства, что трагедия Гёте написана чеканными стихами, многие из которых стали крылатыми выражениями, а сочинение Гегеля тусклой и труднодоступной прозой, то определенное сходство налицо. Метания Фауста в поисках смысла жизни как бы соответствуют блужданиям мирового духа — героя «Феноменологии», прокладывающего путь к истине. Что касается языка, то Гегель не отрицал: его книга в этом отношении оставляет желать лучшего. «Это как раз та часть дела, которую труднее всего осуществить, это то, что составляет признак зрелости, к тому же если речь идет и о соответствующем содержании. Ведь есть сюжеты, которые сами влекут за собой полную ясность, сейчас я занимаюсь преимущественно подобными вещами; например: сегодня здесь был проездом принц NN.; его величество охотился на кабанов и т. д. Способ сообщения политических новостей достаточно ясен, но все же в наши дни довольно часто случается, что ни читающий, ни пишущий именно в силу этой ясности ничего не понимают в том, о чем идет речь. По контрасту я мог бы сделать вывод, что при моем неясном стиле понимают гораздо больше; мне бы хотелось надеяться, хотя я в это не верю... Я нахожу Ваши упреки справедливыми и могу лишь пожаловаться, — если позволено жаловаться, — на то, что так называемая судьба помешала мне создать своим трудом нечто способное удовлетворить ученых такого понимания и вкуса, как Вы, мой друг, да и меня самого в такой степени, чтобы я мог сказать: ради этого я жил»⁶. Так Гегель отвечал в ноябре 1807 года Кнебелю, который писал ему: «Мне и, как я полагаю, еще некоторым Вашим друзьям хотелось, чтобы изящная ткань Ваших мыслей, которая местами выглядит совершенно ясной и приятной, предстала бы перед нашими глупыми глазами в более осязаемом виде. Поистине мы считаем Вас одним из первых мыслителей нашего времени и хотим, чтобы в основу своей духовной силы Вы вкладывали бы больше телесной образности»⁷.

И все же тяжелый слог «Феноменологии» не результат авторской беспомощности. После «Критики чистого разума» у немецких философов возникла своеобразная традиция — не баловать читателя ясностью изложения. При желании Гегель мог писать ярко и доходчиво. В «Феноменологии» достаточно выразительных мест, свидетельствующих об этой стороне дела. Рискую впасть в преувеличение, мы отважимся утверждать, что именно это образное содержание сегодня и представляет главную ценность гегелевского труда. Грандиозен его замысел — показать сознание человека и человечества в историческом развитии, но исполнение уже не отвечает современным научным требованиям. Тем не менее и поныне «Феноменология духа» составляет один из краеугольных камней философского мышления. Читатель, открывающий эту книгу, словно входит в темный лес; приходится буквально продираться сквозь чащу замысловатых терминов и неуклюжих оборотов, но затем его усилия вознаграждаются: мелькает луч света, и он как бы выходит на изумительной красоте поляну, здесь легко идти, здесь все радует глаз; гениальная мысль, украшенная метким словом, — награда упряму, не испугавшемуся трудностей.

Подзаголовок «Феноменологии» гласит: «Наука об опыте сознания». Она была задумана как первая часть системы, своего рода введение, излагающее общие принципы, точнее — метод познания истины.

Истина — не отчеканенная монета, ее не положишь в готовом виде в карман. Истина постигается в ходе длительного развития познания, где каждый шаг есть непосредственное продолжение предыдущего. Противоположность истинного и ложного так укоренилась в общем мнении, что последнее ожидает либо полного одобрения какой-либо философской системы, либо полного несогласия с ней. Между тем на различие философских систем следует смотреть как на прогрессирующее развитие знания. Почка исчезает, когда распускается цветок, который пропадает, уступая свое место плоду. Они как бы опровергают друг друга, это не просто различные, но несовместимые формы бытия. Вместе с тем они образуют органическое единство, в котором каждая из этих форм необходима, и лишь взятые вместе они составляют целое. Не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее. Аналогичным образом дело обстоит и в познании: истина — это и достигнутый результат, и путь к нему.

Форма, в которой существует истина, — научная система. Никто не сомневается в том, что для овладения наукой нуж-

но затратить большие усилия. Философствовать же и рассуждать о философии готов любой, полагая, что для этого достаточно природного ума. Будто каждый, у кого есть глаза и руки, сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструмент. Настало время для возведения философии в ранг науки. Речь, разумеется, идет не о той плоской разновидности рассудочного знания, которая претендует на научность, но оперирует «голыми» истинами вроде ответов на вопросы, когда родился Цезарь, и т. д. Гегель не против рассудка, который представляет собой общую почву для науки и обыденного сознания, дает гарантию того, что область науки открыта для всех: но подлинная наука выходит за пределы рассудка. Ее сфера — разум, и проследить проникновение духа в эту сферу — задача, которую ставит перед собой автор «Феноменологии».

Он отвергает и другой способ псевдонаучного философствования, который видит в созерцании преимущественное средство познания истины. Гегель здесь имеет в виду Шеллинга. Наука, покоящаяся на интуиции, лишена общепонятности и кажется находящейся в исключительном владении нескольких отдельных лиц. Другой упрек интуитивному знанию — «одноцветный формализм». Дело в том, что интуиция пытается, подобно рассудку, схватить истину в «голом» виде; развитие здесь исключено, в лучшем случае происходит «повторение одной и той же формулы», пусть даже усматривающей всюду тождество противоположностей. Овладеть инструментом этого однообразного формализма не труднее, чем палитрой живописи, на которой всего лишь две краски — скажем, красная и зеленая, чтобы первой раскрашивать поверхность, когда потребовалась бы картина исторического содержания, и другой — когда нужен был бы пейзаж. Имя Шеллинга нигде не называется, но он без труда мог узнать в этом гротеске свои мысли. Дальше предисловия он не стал читать «Феноменологию». Примирение с Гегелем теперь уж было исключено.

Как же представляет себе Гегель развитие познания? Знание — достояние индивида. Но человек рожден для общества, говорил еще предшественник Гегеля Гердер. Человек — продукт истории, такова была его другая мысль. И, наконец, третья: развитие индивида воспроизводит в общих чертах развитие рода. Все эти мысли становятся исходными для Гегеля. Сознание социально и исторично, движение индивидуального сознания повторяет историю общества — вот что имеет в виду автор «Феноменологии», когда говорит, что «отдельный индивид есть несовершенный дух... Индивид,

субстанция которого — дух вышестоящий, пробегает прошлое так, как тот, кто, принимаясь за более высокую науку, обзревает подготовительные сведения, давно им усвоенные, чтобы осветить в памяти их содержание... Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выправленного; таким образом, относительно познаний мы видим, как то, что в более ранние эпохи занимало зрелый дух мужей, низведено до познаний, упражнений и даже игр мальчишеского возраста»⁸.

Итак, перед глазами философа духовное развитие индивида, эволюция общества как такового и смена форм его сознания. Читатель «Феноменологии» трижды совершает восхождение к вершинам духа. Используя терминологию позднейших работ Гегеля, эти три сферы движения мысли можно назвать: «субъективный дух», «объективный дух» и «абсолютный дух», то есть индивидуальное сознание, общество и общественное сознание. Главы «Феноменологии» и разбиты и названы иначе; это создает дополнительные трудности для освоения материала, а объясняется, может быть, и тем, что мы уже знаем: начало книги было отпечатано, когда конец еще не был написан, а любой замысел в ходе воплощения всегда претерпевает изменения. Предисловие — наиболее ясная и отшлифованная часть труда — было создано последним.

Первые пять глав посвящены «эмбриологии» духа — анализу сознания индивида. Здесь тоже можно обнаружить трехчленную структуру: сознание, самосознание, разум. Первая ступень сознания, направленного на лежащий вне его предмет, — чувственная достоверность ощущения. Это самое бедное содержанием знание. Органы чувств позволяют нам фиксировать нечто в данном месте в данный момент времени. «Это», «здесь», «теперь» — самые общие определения, которые можно использовать для любого случая. Здесь еще нет вещи, последняя дается нам в восприятии. Вещь многообразна, она представляет собой некоторое единство определенностей. Соль, например, бела, острого вкуса, кубической формы и т. д. Восприятие содержит уже некоторое обобщение и как таковое чревато противоречием: с одной стороны, вещь единична, с другой — она несет некие общие признаки. Пытаясь снять это противоречие, сознание поднимается на новую ступень, переходит к мысли, первым носителем которой является рассудок. Здесь открывается область опытного естествознания — царства законов, своеобразный, сверхчувственный мир.

Далее читателя «Феноменологии духа» ждет неожиданный скачок мысли, способный поставить в тупик, философский сюрприз. «Покоящееся царство законов» переходит в свою противоположность, за ним Гегель обнаруживает «второй сверхчувственный мир», мир наизнанку. «То, что в законе первого мира сладко, то в этом, “в себе наизнанку” — кисло, что в первом — черно, то во втором — бело...» В мире наизнанку «в почете то, что в первом презирается, а к тому, что в нем в почете, относятся с презрением. Наказание, которое, согласно закону первого мира, позорит и уничтожает человека, превращается в соответствующем ему перевернутом мире в помилование, сохраняющее человеку жизнь и дающее ему почет»⁹.

Что это такое? «Гегель — шваб и, как все швабы, любит шокировать», — комментирует современный исследователь рассуждения о мире наизнанку. Антимир Гегеля — поэтическая метафора, к которой он прибегает, чтобы показать ограниченность рассудочного мышления. Ни один закон естествознания нельзя принимать за истину в последней инстанции. Как часто в истории науки некое положение, считавшееся всеобщим, вдруг оказывается всего лишь частным случаем.

Вот почему нет оснований слишком доверять рассудку, который сам нуждается в проверке. Когда объектом познания становится рассудок, сознание переходит в самосознание. В ткань рассуждений Гегеля все более вплетаются социальные нити. Хотя речь по-прежнему идет о сознании индивида, последний рассматривается через призму важнейшего общественного отношения — труда.

Философская концепция Гегеля формировалась под влиянием промышленного переворота в Англии, который нашел свое теоретическое выражение в английской классической политэкономии. Гегель изучал Адама Смита, во многом разделяя его экономические взгляды. В работе, относящейся к 1802 году (опубликованной посмертно под названием «Система нравственности»), Гегель рассматривает труд как сферу совпадения противоположностей, тождества субъекта и объекта. Главное в труде — орудие. «В виде орудия субъект создает средний термин между собой и объектом, и этот средний термин есть разумность труда».

В «Феноменологии духа» Гегель предпринимает грандиозную попытку осмыслить развитие сознания и человеческого общества в целом как результат трудовой деятельности. Величие гегелевской «Феноменологии», отмечал К. Маркс, ...заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматри-

вает самопорождение человека как процесс... что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*.

Вместе с тем Маркс подчеркивал ограниченность позиции Гегеля: Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии... Он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную. Разумеется, эту мысль Маркса не следует понимать упрощенно. Она не означает, что Гегелю было чуждо всякое понимание отрицательных последствий труда в капиталистическом обществе. Еще в записях к лекционному курсу 1803 года Гегель говорил, что, применяя машины, человек обманывает природу. Но обман этот мстит за себя: расчленяя труд, машина умерщвляет его, обесценивает. Для того чтобы произвести булавку, на английской мануфактуре нужно осуществить 18 операций. Один рабочий не в состоянии в течение дня сделать даже одну булавку. Если эти 18 операций делают десять человек, они производят 4 тысячи штук в день, а 18 человек — 48 тысяч. Но в той мере, в какой растет производительность, падает ценность труда. В «Йенской реальной философии» — лекционном курсе, прочитанном в 1805/06 году, — Гегель обращает внимание на то, что в результате прогресса экономики «множество людей осуждено на совершенно отупляющий, нездоровый и необеспеченный труд — труд на фабриках, мануфактурах, рудниках, ограничивающий умелость, и отрасли индустрии, которыми кормится огромный класс людей, иссякают неожиданно из-за каприза моды или из-за падения цен, происшедшего благодаря открытиям в других странах и т. д. — и это множество впадает в нищету, из которой не может найти выхода. Выступает противоположность большого богатства и большой нищеты, которой ничем нельзя помочь»¹⁰. Маркс, следовательно, имел в виду другое, когда говорил, что Гегель не увидел «отрицательной стороны» труда, а именно: неспособность Гегеля найти путь к диалектическому отрицанию капитализма. Отрицание как упразднение предметом самого себя он не смог распространить на современные ему экономические и политические отношения и пришел к примирению с окружающей его социальной действительностью.

Каким же образом, по Гегелю, труд формирует человека? Наибольший интерес в этом отношении представляет раздел «Феноменологии духа», озаглавленный «Господство и рабство». Если верить Гоббсу, то первоначальное состояние человека — война всех против всех. Но такое состояние не зна-

ет развития, ибо оно не содержит формы, в которой накапливались бы результаты деятельности индивидов. Для этого необходима некая положительная связь между людьми, и она возникает в виде господства и подчинения. Тот, кто смел, кто не боится смерти, рискуя жизнью, но не жертвуя достоинством, становится господином. В раба превращается человек, готовый трудиться в поте лица для того, чтобы сохранить жизнь.

Что происходит дальше? Господин повелевает, а раб повинует; господин наслаждается, а раб создает ему вещи для потребления и наслаждения. Раб формирует вещи, но одновременно он формирует и самого себя. Работа есть образование, и благодаря ей сознание раба возвышается над своим первоначально низким уровнем, раб приходит к самосознанию, к постижению того, что он существует не только для господина, но и для себя самого. Господин, наслаждаясь тем, что создает ему раб, впадает в полную зависимость от раба, а раб, формируя вещи, приобретает господство не только над ними, но и над своим господином. В итоге их отношения перевертываются: господин становится рабом раба, а раб — господином господина¹¹.

Дальнейшая судьба раба, ставшего господином, и господина, находящегося у него в услужении, прослежена в философском романе Германа Гессе «Игра в бисер». Герой романа Кнехт (что по-немецки означает «раб» — Гегель употребляет именно этот термин), выбившись из низов, достигает высшей степени духовного развития. Он — магистр некоего ордена «игры», воплощающей культуру в чистом виде, без каких-либо следов утилитарности. Друг Кнехта Десиньори (по-итальянски — «из господ») целиком погружен в практическую деятельность. Мир Кнехта — своего рода надстройка над миром Десиньори. Но сама по себе она не может существовать. В конце концов Кнехт осознает неполноценность своего «бытия в культуре», складывает с себя сан и поступает на службу к Десиньори. Круг снова замыкается. Но и это еще не конец. Заключение в романе составляют три новеллы, где рассмотрены различные варианты ухода «раба» из мира труда, борьбы и страданий.

Философская притча о господине и рабе, рассказанная в «Феноменологии духа», показывает читателю, как в процессе развития любое явление, любое отношение превращается в свою противоположность. Притча наводит на мысль об общественной природе человека, о том, что общество представляет собой органическое целое, каждая часть которого неразрывно связана с другой. Там, где есть рабы, никто не

свободен. Господин, противостоящий рабу, тоже раб, пока он не видит в другом самого себя. С другой стороны, кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом. Если какой-нибудь народ не только воображает, что он желает быть свободным, но действительно обладает волей к освобождению, то никакое насилие не сможет удержать его в рабстве. Самосознание есть порождение зависимости и труда.

Цель самосознания — свобода. Но как достичь ее? Простейший вариант — внутреннее освобождение, негативное отношение и к господству и к рабству (благочестивый субъективизм), то есть стоицизм. Стоик свободен вне зависимости от собственного положения, «как на троне, так и в цепях»¹². В качестве всеобщей формы мирового духа стоицизм выступает в «эпоху всеобщего страха и рабства», но также и при всеобщем образовании, поднимающем чувственный образ до мышления. Стоицизм внутренне противоречив: удалившись из окружающей действительности в себя, сознание не довело до конца отрицание сущего. Стоика волнует вопрос, что есть истинное и доброе, но ответить на него он не в состоянии.

Саму эту постановку вопроса снимает скептицизм, который доводит до логического завершения отрицание бытия. При этом, с одной стороны, возникает своеобразная безмятежность мышления, а с другой — «абсолютное диалектическое беспокойство», сознание «сбитое и сбивающее с толку»¹³. Эти две крайности сосуществуют в скептицизме; противоречие не только не устранено, но, наоборот, усилилось. Скептик провозглашает ничтожество зрения и слуха, а сам видит и слышит. Его слова и его действия находятся в постоянном противоречии друг с другом.

На смену скептицизму идет высшая форма самосознания, изначально отягощенная раздвоенностью, — «несчастное сознание». Гегель имеет в виду христианство. Раздвоенность видна уже в том, что для христианина сознание бытия и действия есть лишь «скорбь об этом бытии и действовании»¹⁴. Перед «несчастливым сознанием» — разорванная действительность: человек причастен Богу и в то же время погряз в грехах. Мышление христианина — диссонирующий перезвон колоколов, это музыкальное мышление, не достигающее до понятия. И вместе с тем именно здесь достигается связь единичного с неизменным, всеобщим. Именно здесь дух совершает переход от самосознания к разуму¹⁵.

Разум предстает перед взором Гегеля в трех ипостасях — как наблюдающий, действующий и достигший высшего во-

площения в индивидуальности. Наблюдающий разум занят критикой науки, эмпирического и теоретического естествознания, включая психологические особенности. Наиболее убедительно это выглядит в отношении физиогномики, пытающейся «читать мысли» на лице человека, и френологии, отыскивающей связь между духовным миром личности и строением черепа¹⁶.

Действующий разум начинает с погони за наслаждениями. Затем поиски личного счастья переходят в свою противоположность — в стремление осчастливить все человечество. Начинает действовать «закон сердца», который видит беду человечества в том, что оно следует не ему, а закону действительности. Действующий порядок «закон сердца» принимает за «мертвую действительность». Так рождается потребность ее оживить и реформировать. Но результат плачевен: существующие законы защищаются от закона одного индивида, потому что они не бессознательная, пустая необходимость, а духовная всеобщность, в которой живут индивиды, хотя и жалующиеся на этот порядок, но преданные ему и теряющие все, если у них отнимут его. «Биение сердца для блага человечества переходит поэтому в неистовство безумного самомнения»¹⁷. Оно провозглашает существующее извращенным, измышленным фанатическими жрецами, развратными деспотами и их прислужниками, не замечая, что извращением является сама бунтующая единичность, желающая стать всеобщей.

Высшая ступень действующего разума — добродетель. Здесь одерживается победа над пышными речами о благе человечества и об угнетении его, о жертве во имя добра; такого рода слова возвышают сердце, но оставляют разум пустым, назидают, но не созидают; это декламации, лишь показывающие, что индивид, который выдает себя за деятеля, преследующего столь благородные цели, считает себя превосходным существом; это напыщенность, которая набивает голову и себе и другим, но набивает пустым чванством. Целью добродетели является уже существующее добро. Сознание сбрасывает как пустую оболочку представление о каком-то добре, еще не обладающем действительностью. Сознание узнало на опыте, что общий ход вещей не так плох, как выглядел; с этим опытом отпадает средство создать доброе путем принесения индивидуальностью себя в жертву.

Индивидуальность Гегель определяет как некое единство противоположностей, «двойную галерею образов», из коих одна является отражением другой; одна — галерея, отграничивающая от внешних обстоятельств, другая — осознающая

их; первая — поверхность шара, вторая — центр его. «Индивидуальность как раз в том и состоит, что она *в такой же мере есть всеобщее*, и поэтому спокойно и непосредственно сливается с *имеющимся налицо* всеобщим, с нравами, обычаями и т. д., а также с ними соотнобразуется, *в какой* она противопоставляет себя им и, напротив, преобразовывает их»¹⁸. Если бы не было этих обстоятельств, нравов, этого состояния мира вообще, то, конечно, индивид не стал бы тем, что он есть.

Относительно современного «состояния мира» философ не строит никаких иллюзий. Это «духовное животное царство и обман». Здесь «нет места ни для возвеличения, ни для жалобы, ни для раскаяния». И все же, хотя каждая индивидуальность считает, что действует лишь эгоистически, она лучше, чем мнит о себе. «Когда она поступает своекорыстно, то она лишь не ведает, что творит, и когда она уверяет, что все люди поступают своекорыстно, то она только утверждает, что ни один человек не сознает, что такое действие»¹⁹. Здесь Гегель четко формулирует идею несовпадения личных целей и общественных результатов деятельности, которая затем займет центральное место в его философии истории. Люди выдают свои дела и поступки за нечто такое, что нужно только им самим, что в виду они имеют только себя и собственную сущность. Однако своими действиями они прямо противоречат своему утверждению, будто хотят исключить публичность и всеобщее сознание; претворение замысла в действительность есть вынесение своего дела во всеобщую стихию, благодаря чему оно становится делом всех.

А абсолютная чистая воля всех есть нравственное самосознание. Нравственность не вырабатывается индивидуальным сознанием, а усваивается им как предписанный извне закон. Нравственный образ мыслей в том именно и состоит, чтобы непоколебимо и твердо стоять на том, что правильно, и воздерживаться от умаления его. Нечто дано мне на хранение, оно есть собственность другого, но именно поэтому я так щепетилен в отношении неприкосновенности и сохранности этого нечто, которое является всеобщим достоянием, то есть общечеловеческой субстанцией²⁰. Тем самым достигнут предел развития индивидуального сознания. Мировой дух начинает новый круг.

Теперь перед нашими глазами проходят образы реальной истории. Правда, Гегель берет лишь то, что представляется ему самым существенным в развитии человечества. По его мнению, два закона управляют нравственностью, то есть жизнью общества: «человеческий», «закон дневного света», принятый людьми, и «божественный», «подземный», воз-

никший независимо от людских установлений. Им соответствуют две социальные ячейки: государство и семья.

Высший долг государственной власти следить за тем, чтобы частные интересы не взяли верх над общим благом. Люди склонны забывать, что они лишь частицы целого. Их помыслы направлены на достижение сугубо личных целей — приобретение имущества и наслаждения. Для того чтобы не исчез дух общности, правительства обязаны время от времени потрясать войнами их бытие. Индивидам, которые отрываются от целого и стремятся лишь к жизни для себя и личной неприкосновенности, полезно показать их абсолютного господина — смерть.

Павший на поле брани враг, с точки зрения государства, должен быть предан позору, но родственное чувство требует от близких выполнения погребального обряда. Так возникает конфликт между двумя нравственными силами: государством и семьей — коллизия софокловской Антигоны, похоронившей брата вопреки запрету правителя. Отношения между братом и сестрой вообще для Гегеля — вершина нравственных связей внутри семьи. Муж и жена вожделеют друг друга, родители видят в детях продолжение самих себя, любовь брата и сестры — «беспримесное нравственное отношение»²¹. Анализируя «Антигону», Гегель показывает столкновение патриархальных нравов и государственного начала. Действия каждой из сторон исторически и оправданы, и ограничены, каждый прав и не прав по-своему. Борьба внутри нравственного мира древности приводит к гибели этот целостный мир.

Средние века как исторический период для молодого Гегеля не существуют. Философ сразу переходит к генезису капиталистических отношений, точнее — к духовным формам, соответствующим этому процессу.

Прежде чем мы займемся их рассмотрением, нам следует уточнить одно из центральных понятий гегелевской философии — «отчуждение». Философ употребляет этот термин не однозначно. В широком смысле слова отчуждение для Гегеля — инобытие духа, его опредмечивание, самополагание в виде объекта. Снятие отчуждения здесь равнозначно познанию. Так ставится вопрос в предисловии. Но в разделе «Отчужденный от себя дух. Просвещение»²², к разбору которого мы подошли, термин «отчуждение» используется для характеристики определенного состояния общества — мира буржуазных отношений, где каждый для другого чужой. Самосознание «отрешается от самого себя» и оказывается во власти «вырвавшихся на волю» собственных стихий.

В качестве примера становления мира отчуждения Гегель берет абсолютистскую Францию перед буржуазной революцией. Два типа сознания господствуют в обществе — «благородное» и «низменное», сознание дворян, готовых к самопожертвованию ради интересов государства, и сознание толпы, которая ненавидит власть, повинуется с затаенной злобой и всегда готова к мятежу. Но эти две противоположности скоро оказываются совмещенными. «Героизм безмолвного служения» государству превращается в «героизм лести». Язык лести обособляет и уединяет монарха, его сознание формируется сознанием его подданных. Чувство отверженности соединяет воедино и извращает благородное и низменное сознание, традиционные связи рвутся, возникает «разорванное» сознание.

Наступает время «абсолютной эластичности», «всеобщего обмана самого себя и других», «отдающего себе отчет хаоса». В распоряжении Гегеля блестящая художественная иллюстрация — «Племянник Рамо». Диалог Дидро, не опубликованный при жизни автора, попал в руки Гёте и был впервые напечатан им в собственном переводе на немецкий язык в 1805 году. Собеседник Дидро разыгрывает пред ним сцену соращения юной девицы. Дидро поражен, речи сказочника представляются ему «бредом мудрости и безумия, смесью в такой же мере ловкости, как и низости, столь же правильных, как и ложных идей, такой же полной извращенности чувств, столь же совершенной мерзости, как и безусловной откровенности». Гегель согласен с Дидро и лишь подчеркивает неизбежность появления подобного сознания в условиях отчуждения. Чем ярче проявляется «разорванность» сознания, чем сильнее оно себя разоблачает, тем лучше: тем быстрее оно исчезает. Закамуфлировать его — значит задержать развитие. «Заштопаннный чулок лучше разорванного, этого не скажешь о самосознании», — гласит один из гегелевских афоризмов периода работы над «Феноменологией».

На смену «разорванному» сознанию приходят религиозная вера и ее противоположность — Просвещение. К последнему Гегель относится весьма критически, отмечая в качестве его характерных черт буржуазный утилитаризм и примитивный атеизм. Для просветителя религия — результат обмана. Можно, конечно, в отдельных случаях продать медь вместо золота, подделывать вексель и выдать проигранное сражение за выигранное, но удастся ли обмануть народ в столь существенном деле, как вера, спрашивает Гегель. И он, безусловно, прав, подчеркивая, что религия имеет более

глубокие корни, чем злой умысел священнослужителей и власть имущих²³.

Истиной просвещения оказывается революция, которая приносит с собой «абсолютную свободу и ужас», то есть террор: здесь отчуждение достигает апогея²⁴. Террор, по мнению Гегеля, хуже рабства, ибо он непродуктивен, это «фурья исчезновения», порождающая лишь чисто негативное действие. Позитивных результатов революции Гегель не видит. «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть и притом... самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды»²⁵. Жизнь полностью обесценена и лишена содержания. Дальше в этой плоскости двигаться некуда, нужен переход в новую сферу. Отчужденный от себя дух, доведенный до крайней точки, наконец обретает себя самого. Происходит снятие отчуждения — замена произвола правопорядком, возникает моральный дух.

Царством моральности Гегелю представляется современная ему Германия, ее духовная культура, искусство и философия: нетрудно видеть, утверждает он, что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду, дух порвал с существующим миром своего бытия и представления, намеревается погрузить его в прошлое и занят его преобразованием — «Феноменология» проникнута историческим оптимизмом. Свои надежды, как мы уже знаем, Гегель связывал с господством Наполеона.

Наполеона Гегель называл «великим учителем государственного права» и приветствовал введение французского кодекса в государствах Рейнского союза. Гегель верил, что политика Наполеона вызовет в Германии национальный подъем. Французская нация благодаря горнилу своей революции не только избавилась от устаревших учреждений, которые как бездушные цепи тяготели над ней и над другими, но также освободила индивида от страха смерти и привычек повседневной жизни... Это дает ей великую силу, которую она проявляет по отношению к другим нациям. Она давит на их замкнутость и косность, и в конце концов они будут вынуждены изменить своему безразличию по отношению к действительности, пойти ей навстречу, и может быть, поскольку внутреннее проявляется во внешнем, они превзойдут своих учителей²⁶.

Но политика политикой, а мировой дух продолжает свой путь. Исчерпав возможности в области реальной истории, он возносится в высшую сферу, которую, следуя нашей терминологии, можно назвать общественным сознанием. Здесь

речь идет о религии, искусстве, философии. В дальнейшем Гегель посвятит их анализу фундаментальные труды, и мы еще вернемся к рассмотрению этих проблем. Сейчас же нас интересует конечный, достигнутый им результат: в итоге своих блужданий дух приходит к абсолютной истине, которая раскрывается ему в научной философии, каковой является гегелевская система. Первоначально объект противостоял субъекту познания как нечто внешнее, постороннее, в абсолютном знании они достигают тождества.

На склоне лет своих Гегель назвал «Феноменологию» «путешествием за открытиями». Это первая крупная, вполне самостоятельная работа, где система еще не душит метод в той степени, как это произойдет потом, по той причине, что система еще не сложилась, она в «строительных лесах», причем, как уже давно подмечено, сами эти «леса» подчас ценнее будущего здания. «Феноменология» важна тем, что показывает, из какого материала создавалась диалектика, откуда она пришла. Исходный импульс — попытка осмыслить противоречивое развитие духовной культуры. За туманом замысловатых терминов видны элементы действительных человеческих отношений, их история. Но только элементы. Чувственные, материальные основы сознания в целом остаются вне поля зрения философа. Гегель, по словам Маркса, ставит мир *на голову* и по этой причине и может преодолеть *в голове* все пределы, что, конечно, несколько не мешает тому, что они продолжают существовать для... действительного человека. Для Гегеля, убежденного во всемогуществе военного гения Наполеона и собственной философии, все пределы уже исчезли. В том, что они все же существуют, ему пришлось вскоре убедиться.